

Елена Осокина

(Москва)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ И АГИОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

На материале текстов, посвященных княгине Ольге

Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги!

Так же, как и вы, я занимаюсь “преданьями старины глубокой” с той лишь разницей, что вы называетесь музыковедами, а я отношусь к когорте филологов. Но то, чем мы занимаемся, а именно богослужбные песнопения или литургическая поэзия, нас объединяет и называется гимнографией. Гимнография — это не только гимнописание, но и весь свод богослужбных текстов, особенностью которых является единство Слова и Музыки.

То, что мы разведены по своему образованию, наносит значительный ущерб изучению гимнографии во всей полноте: нам недостает музыкальных знаний, но и вы при мелодической дешифровке помимо нотной грамоты обращаетесь к текстологии. Давно пора, может быть, даже здесь, в консерватории, создать полноценное отделение, дававшее бы неопитам-энтузиастам весь инструментарий в изучении гимнографии и ее места в христианской культуре.

Сфера моих интересов — это гимнография и литература (несколько искусственное, но понятное разделение), то есть тексты, предназначенные для богослужения и для чтения. Позвольте представить вашему вниманию такие аспекты изучения древнерусских текстов, которые долгое время оставались без внимания как филологов-медиевистов, так и музыковедов-древников.

В 1871 г. в своей работе “Древнерусские жития святых как исторический источник” В.О.Ключевский, пытаясь разобраться в их составе, выделял два основных элемента: литературный и исторический, — каждый из которых выполнял свою роль в создании и развитии жанра, причем форма господствовала над содержанием, подчиняя его своим правилам. Прообраз этой формы В.О.Ключевский видел в кондаке и иконе, следовавших за 6-й песнью канона, чему способствовало и богослужбное (первоначально!) предназначение жития¹. Такое житие имело вид краткой записи, или памяти о святом, где историческая фактография имела гимнографическую форму: в кондаке в повествова-

тельной форме излагались основные вехи деятельности святого, в икосе содержалась похвала святому, причем каждая характеристика начиналась возгласом “Радуйся!”². Этот тип жития, по мнению В.О.Ключевского, господствовал до XVI в.

Это интереснейшее наблюдение осталось как бы предположением, не получившим дальнейшей разработки как в работах самого В.О.Ключевского, так и в других исследованиях. Да и мне эта фраза попала на глаза уже после того, как была проделана большая работа по структурному анализу гимнографических и агиографических текстов. Это говорит о том, что, помимо желания видеть, необходимо умение или знание, приобретенные, желательно бы, не только личным опытом.

Объектом исследования были выбраны стихиры на память благоверной княгини Ольги по списку начала XVI в.³ как возможный самый ранний гимнографический (и не только!) текст⁴.

Помимо древности, сами по себе стихиры интересны с жанровой точки зрения как особый вид литургической поэзии с мелодической организацией и несложным напевом — церковное песнопение, вторящее какому-либо стиху одной из книг Священного Писания⁵. Это определение соотносится и с определением Веллеса, считавшего стихиру наиболее важной и самостоятельной разновидностью тропарей, как первоначально назывались короткие молитвы, написанные поэтической прозой и вставляемые после каждого стиха псалма⁶. Выделяя три основные группы богослужебных песнопений: псалмодию, гимны и духовные песни, — Веллес считает стихиры разновидностью гимнов⁷, особенностью которых было исполнение их как простых силлабических песен, так и как богато украшенных, то есть таких, когда на один слог приходится несколько нот. Такой “свободе” формы и исполнения способствовал *синкретический* характер стихир, давший возможность развитию этого жанра. Синкретизм формы отразился и в структуре стихир. Поэтому предпочтение при исследовании этого вида песнопений, а затем и агиографических произведений в кругу памятников, посвященных княгине Ольге, было отдано структурному анализу, потому что при отсутствии или неясности результатов археографического, текстологического и лингвистического анализа многое может быть объяснено с помощью структурного анализа: при одинаковой древности текстов только на структурном уровне декодирования решается вопрос о протооригинале — первичном тексте, послужившем формальным прототипом для агиографических произведений.

При применении структурно-литературного анализа к гимнографическим произведениям выявляется *сама структура* произведения — трехчастная, соответствующая структуре гимна; *структурная единица* — библейская или гимническая метафраза, вполне узнаваемая и имеющая аналогии в Священном Писании и Акафисте Богородице; *структурный принцип* тропирования и параллелизма, общий для гимнографии и агиографии.

Текст стихир мог сочиняться к уже существовавшему музыкальному образцу подобна, а значит, фраза формировалась не только под влиянием смыслового целого, но и под влиянием мелодии с ее маркированным окончанием строк, что заставляло составителя подгонять словесно-смысловую форму фразы под мелодическую или речитативную строку. Так структурной единицей стихир становится некая фраза-строка, стремящаяся приобрести завершенную с точки зрения напева и смысла форму.

Ритм песнопения и размер фразы — от точки до точки — был определен напевом. Метр такой фразы довольно сложно высчитать, так как количество слогов соответствовало ритмико-мелодической заданности. Можно говорить о некоем *периоде*, равном фразе и оформленном не только мелодически, но и содержательно. Эта фраза, являющаяся структурной единицей стихир, повторяясь какое-то количество раз, определяла и всю композицию стихир в целом. Фразы не просто повторялись, а находились в зависимости друг от друга попарно. Такое соответствие фраз между собой называется *параллелизмом*.

При разделении текста на библейские метафразы и вставные фразы, непосредственно актуализирующие содержание всего текста, проясняется конструктивный принцип его построения, просматривающийся затем в житии. В музыковедении он назван *тропированием*⁸, то есть принципом интерполяций в литургический текст древнего псалмодического текста с целью актуализации. Возможность применения исследований, связанных с латинскими песнопениями, подкрепляется исследованиями М.Ф.Мурьянова о синтезе русского, византийского и латинского начал в древнейший период⁹.

Возможность выделения параллелизмов по смысловой зависимости позволяет сгруппировать строки текста и выявить те, которые имеют аналогии в Священном Писании, и те, которые не зависят от библейских текстов. По тексту видно, что “независимые” строки вставляются в песнопение так, что основной канонический текст становится актуальным. При этом выполняется двойная задача таких интерполяций: актуализация и конкрети-

зация богослужения и украшение литургического произведения. Несмотря на дробность текста и кажущуюся несвязанность фраз, выделяется трехчастная композиция стихир как цельного произведения: начальное призывание-называние прославляемого, затем перечисление-называние его достоинств и завершающее молитвенное обращение.

В стихирах библейские метафразы и оригинальные фразы располагаются чередуясь друг с другом и образуя своеобразный диалог прошлого (=вечного) и современного (=актуального). "Новое" поясняет и толкует в необходимом ключе "старое", а "старое" увековечивает и вводит в священный корпус гимнов "новое". Такой принцип взаимного толкования текстов характерен для проповеди, относящейся к риторическому жанру, а форма, объединяющая различные строки мелодически и ритмически, названа стихирой и отнесена исключительно к гимнографии.

В тексте стихир библейские строки-метафразы сориентированы на псалмодическую форму, а оригинальные строки — на образец подобна и находятся между собой в гармоническом соответствии.

Стихиры цитируются по изданию Н.К.Никольского и по установленной рукописи Ярославского Спасо-Преображенского монастыря № 857 (626), первая половина XVI в.

1. Яко солнце возсия нам
2. преславная память Ольги бгмдрыа(1)
3. Мѣре князен русскыхъ Хсѣа чѣйца(2)
4. аггельскимъ(3) ченнемъ въспигана
5. възможе на кумиры, пачеже на днавола
6. силою стго дха просвѣщаема,
7. от тмы неразумна всю страну люди къ бгу привела еси.
8. его же моли
9. о творящихъ твою память.
10. Разума дхвнаго.(4)
11. ниже посрамила еси в рани(5) прелстившаго Евву.
12. сего оружиемъ, сломльши.(6)
13. вгосажденыи рани црквныи създа.
14. в ней же древо животное крстъ въдружися(7)
15. и трапеза(8) бжиа брашна имущи
16. источникъ неисчерпаемъ крове Хсвы
17. его же пивъше не тлѣнна пребывши(9),
18. за вся ны молишися.(10)
19. Дхвно възвеселигесе
20. русстии вси конци,

21. память чтѹще Олги вгомѣдра.
22. молигть бо ся выину къ Христу,
23. съ чудотворици и мѹченикы(11)
24. и помощницѹ имѹщи стѹю бѣдо.
25. Избавигтися от бѣд и печали(12),
26. вѣрою поющим тя(13).
27. и кланяющимся рацѣ нетлѣннаго ти(14) тѣла.

Разночтения приводятся по рукописи Минеи Месячной XVII в. (РГБ, ф. М 277): 1 — память твоя Олга вгомѣдра; 2 — мизиница; 3 — ченнемъ; 4 — в разумѣ духовнѣмъ; 5 — врага; 6 — и сего оружье сломила еси; 7 — водрузи; 8 — трапезу; 9 — пребываеши; 10 — молишися присно; 11 — чудотворцѣма мѹченикома; 12 — печалей; 13 — ю; 14 — ея.

Нумерация строк произведена по порядку для удобства комментария и для наглядной картины равного количества строк в строфе. Строф всего три, в каждой по девять строк. Такое строфическое деление не случайно, а сделано с учетом знаков препинания, смыслового целого и, главное, имеющихся в богослужбной рукописи знаковых (в форме “солнышка”) разделителей, показывающих длину произносимой (напевно или речитативом) строки.

Учитывая принцип построения стихир (принцип тропирования), необходимо установить строки, относящиеся к структурной основе, а это традиционные гимнические формулы и библейские парафразы, и строки, актуализирующие традиционный текст. Установить библейские и гимнические парафразы можно, привлекая различные библейские словари, так как практически в каждой строке есть ключевое слово, организующее всю строку. По ключевому слову восстанавливается фраза, которая вполне узнаваема в стихирах, но не точна, а несколько изменена, поэтому уместнее говорить о метафразах или парафразах, что в данном случае одно и то же.

Невозможность объяснения степени изменения фразы связана с отсутствием точного непосредственного источника: той библейской книги, той Псалтири, богослужбного сборника и т.д., из которых автор-составитель мог их почерпнуть. Поэтому мы не пользуемся терминами “цитата” и “аллюзия”, которые неизбежно отсылают к неопределяемому источнику, а предпочитаем термин “метафраза”, отражающий видимый нам результат преобразования или воспроизведения вполне узнаваемого текста. Достаточно просто узнаваемости фразы без объяснения степени ее изменения автором, потому что нас интересует структура произведения, а не

показатель трансформации библейского смысла в “земной” — авторской — интерпретации.

Подробный разбор текста есть в моей диссертации “Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги” и постепенно будет опубликован. Сейчас важно обратить Ваше внимание на два не сопоставляемые прежде текста: стихиры и проложного жития, которое в рукописи так не называется, потому что значится как “память”.

А.А.Шахматов относит русское проложное житие кн. Ольги к числу древнейших памятников и возводит его к предполагаемому церковному сказанию — “особой повести”, как он ее называет¹⁰.

Н.И.Серебрянский считает, что проложное житие не имеет непосредственного отношения к древней церковной повести, которое появилось уже после утраты этого памятника, а являет собой опыт составления новой проложной биографии св. Ольги на основе, или по образцу, юго-славянского жития¹¹.

По списку прогаменного пролога Румянцевского музея (РГБ, № 319) XIII — начала XIV вв. под 11 июля значится: “Въ тѣх(д)е днь прѣставленіе стые црѣе рѣшские Ольги прѣматерь всѣхъ црѣн рѣшскихѣхъ”. Эта память состоит из двух частей. В первой Ольга, “оставльши елинскую зѣю прелесть отчю... и въземши Еленину мудрост и мужьскую крепость”, прославляется путем уподобления во всем св. Елене (эпизод с крестом, к примеру). Вторая часть представляет собой похвалу, начинающуюся так:

“И словеса же къ похвалению.

Сии блаженаа Олга. иже оставльши елинскую зѣю прелесть отчю. паче же диаволю(1) и въземши Еленину мудрость и мужьскую крепость(2). иде въ Костандинъ град. оттуду сподоби се святаго крыщения от патриарха и приемши от него крѣсть приде въ свою землю(3) иже ныне стоить въ Кieve въ святеи Софии. въ олтари на десной стране, имее писмена: “обнови се въ рѣшстен земли крѣсть. от Олгы благоверные кнегини. матери Святославе.” по всему подвещуюсе святен Елене(4). яко же бо она шѣдши въ Ерѣсамъ обрете честныи крѣсть Господень. такожде и сии нова Елени створи. тако име прие въ святемъ крыщении. никто доволен извещати ю. и словеса же къ похвалению.

1. Оже н(ы)нѣ сияеть яко с(о)лице(5)
2. нь с(о)лице многащи съкрываеть свѣтъ свои.
3. облакомъ заступѣющимъ и.
4. ли рещи яко луна ово егда растеть
5. ово егда же охѣдѣваетъ.(6)

6. нь ли приложити те къ лику звѣздномуу.
7. нь и въ тѣхъ погани чгуть яко Б(ог)а.
8. от тебе израстоше кнезы н(а)ши.(7)
9. поганыхъ шетание повѣждаен.(8)
10. и паче научѣють како кланѣтисе и чьсти.
11. въ тронци единого Б(о)га.(9)
12. его же м(о)лещи не прѣстан(10)
13. о чгущь д(е)нь прѣставления твоего.
14. тѣхъ м(о)л(н)твами Х(ри)с(т)е сп(а)си д(у)ше н(а)ше.

Разночтения: 1 — “оческое зловѣрие възненавидѣла еси”, “възможе на кумиры, пачеже на диавола” (стихиры и канон, песнь 6); 2 — “Тѣломъ жена сущи, мужьскы мдрость имѣющи” (Похвала мниха Иакова); 3 — “и принимши стое крщнье, възвратися в землю Рускую” (Похвала мниха Иакова); 4 — “Рускую кнгню, нареченую въ стѣмъ крщньи Елена” (Похвала мниха Иакова); 5 — “Тогда праведници просвѣтятся яко солнце” (Мф. 13, 43) (См. с. 34 дисс.); 6 — “въснаетъ въ дни его правда, и множество мира дондеже отимет ся луна” (Пс. 61, 5, 7); 7 — “мтре князен русскихъ хѣва чѣнца” (стихиры), “Радуйся, древо светлоплодовитое, отъ негоже питаются вернии” (АБ, 7); 8 — “миръ неподвижим князем испроси, и на поганья повѣду” (канон, песнь 6, 3), “Радуйся, тангеля смыслов упражняющая” (АБ, 10), “Радуйся, идольскую лествь обличившая” (АБ, 6); 9 — “Радуйся, тронцы таинники просвѣщающая” (АБ, 5); 10 — “Его же моли о творящихъ твою память”, “мтвѣ о насъ къ егѣ створи, чѣтно творящихъ твою память” (стихиры и канон, песнь 9).

Некоторая невнятность текста объясняется его лаконичностью и фразовой значимостью, как и в гимнографическом тексте. Отличительными чертами можно назвать приблизительную “цитацию” гимнических фраз (то есть парафраз, или метафразирование) и отсутствие композиционной стройности. Принцип параллелизма улавливается, но выдерживается не всегда. Строки 1 и 2–3 объединены по принципу противопоставления, 2–3 и 4–5 — сравнения, 6 и 7 — по пояснительно-противительному принципу, или принципу утверждения через отрицание; в строках 8 и 9 нарушена связь. Далее все строки связаны последовательно и напоминают молитвенный речитатив.

В целом похвала по форме ближе к молитве, нежели к гимну (статические фразы-обращения), поэтому регулярная ритмическая организация отсутствует. Общее впечатление от текста таково, что это пересказ своими словами гимнических формул. Сходство со

стихами богослужебных гимнов просматривается довольно отчетливо. Так, строки 4, 6, 9 соотносятся со стихами Псалтири (см. выше), 1, 7, 8, 12, 13, 14 — со стихами стихир. Сопоставим этот текст может быть, по-видимому, с кондаком 4-го гласа, подобным “Явися днесь”, стоящим после 6-й песни канона: “Въспомн днесь благодетеля всех Бога прославльшаго в Русн Ольгу вогомудрю молигтвами ея подаи же грехов оставленне”, — или с седальном, подобным “Трость твой” после 3-й песни:

крилома в(о)горазумня вперивши свои умъ
възлетела еси превыше видима твари,
взыскавши Бога и творьца всяческим...

Структурный и содержательный анализ показал, что краткое проложное житие составлено по принципу богослужебных текстов и состоит из гимнических метафраз, чередующихся с небольшим количеством фактографического материала. Лучше это выражено во второй части жития, называемой “словеса к похвалению”, но и в первой части проявляется связь с гимнографией: от использования гимнических формул для описания “конкретного” до развертывания метафраз, что соответствует *гомиллии*.

Таким образом, состав самого древнего произведения определяется гимническими метафразами, большей частью имеющими аналогии в Акафисте Богородице.

Очень интересно “Житие святой Ольги” в Степенной книге царского родословия¹², где жанровое определение вынесено в название. Весь текст пронизан гимническими и библейскими метафразами, организующими остальную материал; периодически текст жития включает в себя целые куски из канона и стихир на память княгини Ольги, а также из Акафиста Богородице, псалмов, библейских книг (встреча Соломона с царицей Савской — л. 46 об.) и, возможно, проповедей. Использование драматургических элементов — реплик, диалогов, обращений, риторических вопросов — связано с акцентированием проповеднического характера жития (как большой гомиллии). Некоторые приемы развертывания гимнических метафраз и использование их для описания конкретных действий — также признаки гомиллии.

Вот как описывается крещение Ольги: “И тако совлечеса всея грѣховныя одежды, отложши ветхого челоуѣка и дѣла поганская, и облечеса въ новаго Адама, еже есть во Христа, и тако просвѣщена бывши...”, — что представляет собой перифраз стихир, или благословение Ольги патриархом: “Благословенна ты въ женахъ (Лк. 49) Рускихъ, понеже тьмѹ прелести временнаго свѣта

сего остави, а съѣтъ живота вечнаго возлюбн”, — представляющее собой развертывание начального тезиса.

Внутри текста все фразы, в том числе и продолжительные, организованы по принципу параллелизма, находясь в смысловом, синтаксическом и ритмическом соответствии: вопрос — ответ, теза — антитеза или развертывание ее. В общей структуре действует принцип *тропирования*, то есть актуализации канонического текста.

Два пласта — библейский и исторический, — переплетаясь, в содержательном плане повторяют все темы из канона. Аналогии с каноном выстраиваются несколько раз как по всему тексту жития, так и внутри отдельной его части.

Завершается житие Похвалой, в которой используется принцип построения акафистного икоса с тринадцатью хайретизмами — славословиями-приветствиями (л. 72 об. — 74 об.) — и дополнительным Похвальным словом княгине Ольге. Количество аналогий со стихирами и каноном увеличивается к концу второго Похвального слова, что говорит о традиционном для гимнографии построении произведения со славословием в конце.

Две Похвалы в конце жития соответствуют двум последним песням канона — 8-й и 9-й, хвалебным по своему содержанию.

Сама постановка вопроса соотношения жития и службы вполне уместна и очень интересна, так как указывает на непривычную для нас тенденцию формирования текстов жития. Это может быть перспективой исследований.

В подтверждение правомерности такого соотношения можно привести работу А. Наумова, где службой называется не только ежедневный богослужебный ритуал, но и гимнографическая композиция — “следование” — особое построение и состав текста богослужения¹³, то есть выделяется понимание службы как формы. И эта особая гимнографическая форма используется для “Жития святой Ольги” в Степенной книге.

При суммировании итогов исследований можно сделать вывод о том, что богослужебный текст является прототипом “литературных” произведений об Ольге. Житие как форма наследует и развивает гимнографические принципы построения текста и тот лексический и синтаксический материал, из которого выстроены и стихиры, и канон, и память, и похвала, и житие. Не случайно самые ранние агиографические произведения носят название не “жития”, а “памяти” и “похвалы”, то есть являются промежуточными формами между гимнографией и агиобиографией.

Итак, проделанная работа показала, что введение гимнографии в круг литературных памятников дает интересные результа-

ты; что без богослужебных текстов не может быть полного представления об агиографии; что отношение к гимнографическим произведениям как к литературным совершенно оправданно.

Для музыковедов выявление фразовой структуры словесного текста может быть полезным при мелодической дешифровке: при соотнесенности фраз с учетом принципа тропирования можно предположить и музыкальную соотнесенность.

Примечания

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871. — С. 367.

² Там же. — С. 362.

³ Известия ОРЯС. Т. 82. — 1907. — № 4.

⁴ Макарий, митр. История русской церкви. Т. I. — Спб., 1857. — С. 70–71.

⁵ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. — М., 1993. — С. 776–779.

⁶ Wellesz E. A history of Byzantine music and hymnography. — Oxford, 1949. — P. 213.

⁷ Ibid. — P. 34.

⁸ Карповник В.Г. Нумноlogica I. Тропы входных антифонов в истории западноевропейского средневекового хора // Музыкальная культура Средневековья. Теория. Практика. Традиция. — Л., 1988.

⁹ Мурьянов М.Ф. Золотой пояс Шимона // Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. — М., 1973. — С. 197.

¹⁰ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908. — С. 116–117.

¹¹ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. — Пг., 1915. — С. 23–24.

¹² ПСРЛ. Т. 21. — Ч. 1. — СПб., 1904.

¹³ Naumow A.E. Biblia w strukturze artystycznej utworow cerkiewnoslowniskich. — Krakow, 1983. — P. 53.

Summary

Comparative analysis of the hymnographical and hagiographical texts dedicated to St. Princess Olga displays in between them a number of structural similarities. Both literary contents and form of the hymnographic genres (stichera, akathystos, canon) is to a great extent based on hagiography.